

A vibrant display of fresh fruits including bananas, lemons, oranges, and grapes. The background is a collage of various fruits, with a central orange banner containing text.

Юлиан Климович

Яблоки и грецкие орехи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлиан Климович
Яблоки и грецкие орехи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66794793

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ об экзистенциальном инсайте молодого человека, идущего в роддом к беременной жене.

Содержит нецензурную брань.

Юлиан Климович

Яблоки и грецкие орехи

Позднее утро субботы плавно перетекало в обед. Маша попросила приехать к ней в роддом к часу дня, но Федор катастрофически опаздывал. По дороге ему надо было “кровь из носу” заехать на Торжковский рынок, купить два килограмма красных яблок и килограмм грецких орехов. Маша уже неделю лежала на сохранении. Врач наказал ей обязательно есть фрукты с большим содержанием железа и орехи. Из доступных по цене Федор мог купить только яблоки. Маша терпеть не могла зеленые яблоки. Орехи она тоже не любила, но вот кроме, разве что, грецких.

Соскочив с трамвайной подножки, Федор трусцой засемянил ко входу на рынок. В обеих руках он держал по большому полиэтиленовому пакету. В одном лежали выстиранные и выглаженные Машины вещи, а в другом кастрюльки и пакетики с едой. Маша постоянно хотела есть, поэтому Федору приходилось все время перезаказывать что-нибудь “вкусненькое” своей маме, которая за минувшую неделю приезжала уже два раза для того, чтобы приготовить невестке еду. Маша не могла напрямую просить свекровь, поэтому, перекладывая на стол принесенные мужем продукты, она тут же наговаривала меню на следующее посещение. Федор “брал заказ” и, возвратясь домой, сразу звонил маме с просьбой

приехать и помочь.

Любимые женщины Федора были больше его и обе обожа-ли поехать. Сам Федор пошел в отца, некрупного лысоватого неконфликтного советского инженера с небольшим брюш-ком и окладом, умным, но безвольным взглядом серых, уве-личенных толстыми линзами очков, глаз. Отец любил и бо-ялся жену, отдавая ей всю инициативу, в том числе и в вос-питании сына, который не то смотря на отца, не то бессозна-тельно копируя его, нашел жену, почти полностью воспроиз-водящую оригинал в лице своей мамы.

Сейчас в пакете лежала еда, приготовленная свекровью: блинчики с мясом, с луком и яйцом, и сладкие с творогом, салат “Оливье”, паровые говяжьи котлетки. Из пригото-вленного Федором, сверху всего этого вкуснейшего изобилия, по-коилась только коробочка шоколадных конфет со сливочной начинкой под прозаическим названием “Набор шоколадных конфет”. Федор, пока мама готовила все эти чудесные кули-нарные изыски, сильно страдая от похмелья, гладил белье для жены.

Его личная увольнительная, на время пока Маша находи-лась в роддоме, открыла горизонты невиданного доселе раз-гула пьянства и алкоголизма. Уже три вечера подряд Федор выпивал по бутылке красного крепленого вина и выкуривал по полпачки сигарет. Для кого-то это мелкие ежедневные шалости, но не для Федора, который в жизни за раз больше полбутылки легкого сухого вина никогда не выпивал. Маша,

в свое время привила ему вкус к дружеским вечеринкам и посиделкам. Но они никогда не злоупотребляли выпивкой, да и сильного желания такого не испытывали. Хотя теперь Федор, лишенный Машиной тотальной опеки, начал прислушиваться к себе, чтобы выяснить чего хочет он сам. Лишенный строгой матерью возможности кутить, удерживаемый в жестких рамках женой, принявшей его с рук на руки от мамы, теперь Федор отрывался. Его дерзновения распространялись до выпитой бутылки за вечер, и это был его предел. Опьянев, он уносился в самые смелые свои мечты. Он бил лица своим школьным и институтским обидчикам, соблазнял самых красивых девчонок курса. Он был смел, силен и уверен в себе. Так Федор мужал. Во всяком случае так ему казалось.

Войдя на рынок, он удивился почти библиотечной тишине, нарушаемой только резкими гортанными выкриками азербайджанцев, торгующих фруктами и овощами. Они навязчиво предлагали свой товар редким покупателям, медленно проходящим между прилавков, живописно заваленных разной снедью. В воздухе стоял сильный запах кинзы, укропа, лаврового листа, яблок, свежего мяса и цветов. Эти запахи окутывали Федора. Несмотря на всю тяжесть похмельного утра, эта пряная смесь располагала, звала зайти и купить все то, что так щедро порождало ее. Пройдя несколько рядов, постоянно окликаемый назойливыми торговцами, он вынужденно остановился у прилавка, на котором в

несколько ярусов громоздилась мытая отборная ярко-оранжевая морковка с пушистыми зелеными хвостами, глянцевоблестящие яблоки, бордовая редиска с белыми корешками свисающими, как мышинные хвостики, идеально круглые апельсины с ромбовидными наклейками на арабском языке, толстые пучки сочного укропа, кинзы, петрушки и какой-то еще зелени, названия которой Федор не знал. Серо-коричневые грецкие орехи, ядрено громоздятся, правильной пирамидой вырастали из большого черного полиэтиленового пакета, крича о наличии у продавца изрядного количества лишнего времени. Рядом с этим пакетом стоял такой же с очищенными грецкими орехами, похожими на вынутые мозги маленьких человечков. Когда Федор наткнулся на них взглядом, его сразу замутило. Он остановился, пытаясь затолкать обратно в желудок поднимающийся комок. Тут же всей своей зазывающей мощью, из-за прилавка на него накинулся продавец. Не в силах уже отвертеться от торгаша, Федор сдавленным голосом спросил: “Почем яблоки?”. Спросил Федор и тут же заметил клочок картона с выведенной черным фломастером цифрой “25”.

Федор аж крикнул от такой наглости. В магазине яблоки стоили по семь-восемь рублей за килограмм. Да, они выглядели несколько хуже, чем эти, но яблоки, как говорится, и в Африке яблоки.

Продавец, соскочив с ящика, на котором стоял, обогнул прилавок, и живо подбежал к Федору. Он оказался малень-

кого роста с хищными руками, которые вместе со словами тут же начали летать в воздухе вокруг лица Федора.

Федор сделал очередную попытку уйти, но это ему не удалось, торговец слегка ткнул его рукой в грудь и проникновенно спросил: “За сколько хочиш, а? Гавары, дам, сколько скажэш, брат”, – продолжал он торг, хотя Федор всем своим видом показывал, что ничего у него покупать не хочет. – Бэры, у меня лучше всех товар.

Он подумал, что торговец откажется и отстанет от него, но все случилось по-другому.

Продавец развернулся и уверенным шагом отправился обратно за прилавок, представляющий собой высокий бруствер из фруктов и овощей, за которым прятались весы, выглядывающие только верхушкой циферблата с красной беспокойной стрелкой. Он взял три верхних небольших яблока, бросил их на чашу весов, куда-то вниз, отчего красная стрелка пугливо заметалась из стороны в сторону, затем взял из стопки полиэтиленовый пакетик, сложил в него яблоки и оставил за “бруствером”. Как показалось Федору, ничего не высчитывая, азербайджанец лаконично произнес: “палтара кило, двадцат рублэй, – широко улыбнувшись золотой улыбкой добавил, – скидка”. Поставив точку в вопросе стоимости яблок, он вопросительно, по-хозяйски взглянул на Федора, как бы говоря, что процесс далеко не закончен и надо продолжать. Федор помолчал в нерешительности, и полез в карман за кошельком. Ему очень не понравилось поведение

торгаша и он решил побыстрее уйти.

Торгаш сделал вид, что не услышал вопроса. Ценник завалился в орехи и Федору было не разглядеть что на нем написано, а подойти и вытащить – постеснялся, поэтому он просто стоял и наблюдал как продавец повторяет свой фокус с мешком и весами. После взвешивания и бросания второго мешка куда-то к первому, торгош оценивающе посмотрел на Федора. Натренированный глаз уверенно ощупал карманы, вывернул их, пересчитал вплоть до мелочи все деньги и разочарованно скользнув по потертым, стоптанным наружу Федоровым башмакам, уперся ему в лоб. Его мозг моментально принял одну из трех стандартных моделей поведения.

Первая модель поведения предполагала заискивание перед покупателем и подхалимаж. Третья – полное подчинение своей воле и навязывание. Вторая модель, нечто среднее – безразличное отношение к покупателю. Федор судорожно полез в карман. Его оглушила цифра. Он рассчитывал на двадцать пять рублей, не больше. Прозвучавшая сумма никак не походила на ту, которую он был готов заплатить. Умом он понимал, что азербайджанец обманул его, причем внаглую, но природная нерешительность и трусоватость принуждали его к тому, чтобы сделать “хорошую мину при плохой игре”. Показать, что его так оскорбительно явно обманывают, было унижительно для него. Федор не мог вступать в перепалку и поднимать скандал из-за переплаченных двадцати рублей. Он понимал зачем азербайджанец бросал па-

кеты на весы, Федор видел, что тот ничего не считал, а называл нужную сумму на свое усмотрение, но стыд, жгучий стыд за то, что его так беззастенчиво обманывают, что считают возможным так примитивно его обсчитывать, будто залезая к нему в карман, не обращая внимания на хозяина и его реакцию, сковывал и не позволял даже просто развернуться и уйти. Стыд заставил протянуть руку с деньгами и взять эти два треклятых пакета. Когда продавец, получив деньги, передал пакеты, Федор почувствовал их подозрительную легкость. Если бы вес пакетов хотя бы отдаленно напоминал тот, который называл азербайджанец, то Федор, молча забрав пакеты, сразу ушел бы, но такая вопиющая наглость переполнила его чашу терпения. Соседние продавцы-азербайджанцы и русские продавщицы цветов с интересом наблюдали за этим обычным для них аттракционом. И те, и другие периодически перебрасываясь фразами, похохатывали. Так они развеивали скуку от отсутствия покупателей. Но теперь Федору стало стыдно уходить вот так, молча унося в руках три яблочка и горсть орехов ценой тридцать пять рублей. Уйти под прицелом нескольких смеющихся пар глаз, утеревшись, как от плевка в лицо, он уже не мог. Та самая дурацкая гордость, заставлявшая по началу делать вид, что все хорошо, когда его так незатейливо обманывали, теперь не давала тихо сбежать, оставив наглых продавцов в полной уверенности, что им это может в очередной раз просто так сойти с рук. Убежденность в собственной безнаказанности лоснилась на

их лицах, мерцая желтыми блестками то в золотых коронках, то на массивных золотых перстнях.

Слова, произнесенные с заданной высотой были поначалу дежурными и неискренними, но по мере того как торгош распался, крик наполнялся эмоциями и красками. Соседи подбадривали его, как, наверное, он подбадривал их в таких случаях. Федор стоял в недоумении – за его же деньги, вытянутые мошенническим способом, на него кричали и гнали. Втянув голову в плечи, он стоял между торговых рядов с двумя тощими пакетиками в одной руке, двумя большими во второй, и думал что же делать. Страх давил его все больше, поглощая волю к сопротивлению, как черная дыра безвозвратно засасывает в себя материю и свет, так его воля сужаясь, скукоживаясь, быстро исчезала где-то в районе живота. Слова и хохот хлестали по щекам и ушам. Столкнувшись с суровой реальностью, Федор увидел себя жалким и ничтожным, особенно после своих героических хмельных фантазий. Он в доли секунды почувствовал, как его покидает нечто, без чего его дальнейшая жизнь превратится в существование, когда самый смысл жизни, способность к сопротивлению, способность противостоять, будет им утеряна, и он навсегда превратится в того, кого на короткой веревочке могут привести хоть на заклание. Не придумав ничего лучше, со словами: “Вот это еще взвесьте пожалуйста”, он вынул из бруствера самое нижнее яблоко. Вся каскадная конструкция из красивых блестящих плодов не удерживаемая ничем,

тут же обвалилась. Красные, желтые, зеленые яблоки, весело подпрыгивая, покатались в разные стороны. Федор хотел было также дернуть и апельсиновую пирамидку, но передумал. “Извините, я такой неловкий”, – процитировал он фразу из какого-то фильма, бросил яблоко на пол, развернулся и пошел к выходу. В спину ему неслись проклятия торгаша, но остановить Федора, тем более что-то ему сделать он побоялся.